

УДК 613.8

**И.М. СЕЧЕНОВ И АКАДЕМИК АМН СССР З.Г. ФРЕНКЕЛЬ:
ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ СУДЕБ***

А.П. Щербо, доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН
Медицинский центр Корпорации РМІ (Санкт-Петербург), Россия

***Аннотация.** Настоящая статья, подготовленная в связи с недавними 185-летием со дня рождения и 110-летием со дня кончины великого отечественного физиолога Ивана Михайловича Сеченова, является плодом многолетнего изучения жизни, творчества и общественной деятельности другого российского ученого академика АМН СССР Захария Григорьевича Френкеля, который в студенческие годы был в числе учеников И.М. Сеченова. В статье представлены новые драматические факты биографий двух ученых разных поколений, относящиеся к периоду их пребывания в Московском университете в 1889-1890 годах. В работе, основанной на опубликованных воспоминаниях З.Г. Френкеля и других материалах из личного архива автора, приведены также свидетельства друга Сеченова Ильи Ильича Мечникова и товарища З.Г. Френкеля по Дерптскому университету писателя Викентия Вересаева.*

***Ключевые слова:** Сеченов, Френкель, Московский университет, драматические эпизоды биографий 1889-1890 годов.*

В 2015 году исполнилось 110 лет со дня смерти И.М. Сеченова, а годом раньше отмечалось 185-летие со дня его рождения. О великом физиологе написано много книг, его научное наследие по-прежнему питает науку, и не только физиологию, а его непростая жизнь, драматические факты которой характерны для всех эпох, включая нашу, продолжает оставаться предметом заинтересованного внимания исследователей.

Настоящая статья является плодом многолетнего изучения жизни, научного творчества и общественной деятельности академика АМН СССР Захария Григорьевича Френкеля, который в студенческие годы был в числе учеников И.М. Сеченова. Это был непродолжительный период студенчества Захара в Московском университете; если бы не Бутырская тюрьма за участие в студенческих волнениях и исключение из университета, возможно, судьба более тесно связала бы Френкеля с великим физиологом. Тем не менее, в своих воспоминаниях Захар Григорьевич, с высоты своей долгой жизни, с истинной теплотой вспоминает И.М. Сеченова¹.

Первую половину своей 100-летней жизни (48 лет!) З.Г. Френкель прожил в теперь уже далекой от нас эпохе – в дореволюционной России. Она вместила необыкновенно много – его светлое детство в украинской глубинке под Черниговом в дружной многодетной семье, гимназию в Нежине, Московский университет, первый арест и Бутырскую тюрьму, высылку из Москвы под полицейский надзор, Дерптский (Гартусский) университет, врачебную практику в Петербургском, Новгородском, Вологодском и Костромском земствах, избрание депутатом Первой Государственной Думы, арест и Костромскую тюрьму за подписание Выборгского воззвания, деятельность члена ЦК партии конституционных демократов, участие в боях Первой мировой войны, работу в структурах Временного правительства в качестве заместителя председателя Центрального врачебно-санитарного совета. С такой биографией после 1917 года надо было еще выжить. Захару Григорьевичу повезло...

Вторая, не менее насыщенная половина жизни З.Г. Френкеля была посвящена, главным образом, науке в её удивительно широком спектре: это социальная и коммунальная гигиена, организация здравоохранения, эпидемиология и инфекционные болезни, статистика и демография, история медицины, геронтология, обществоведение и философия, музееведение и, кроме того, постоянная общественная деятельность. И при этом – тяжелейшие двадцатые годы, арест и тюрьма НКВД в конце тридцатых, блокада Ленинграда и в этот период – главный труд «Удлинение жизни и активная старость», высокие звания академика и заслуженного деятеля науки, государственные награды, широкое признание и воистину плодотворная *активная старость* в окружении учеников и близких².

В 1889 году, по окончании Нежинской гимназии с золотой медалью, Захар Френкель поступил на медицинский факультет Московского университета. Лекции первокурсникам читали выдающиеся ученые и педагоги – физик А.Г. Столетов, антрополог А.П. Богданов, но и на этом фоне выделялись такие колоссы, как И.М. Сеченов и К.А. Тимирязев.

В «Записках и воспоминаниях о пройденном жизненном пути» Захар Григорьевич отмечает: «С начала второго семестра в январе 1890 г. в Московском университете начал читать **тогда лишь в качестве приват-**

доцента (! выделено мной – А.Щ.), курс лекций о физиологии головного мозга И.М. Сеченов. С первой же лекции и до моей высылки из Москвы я слушал все его лекции». Увы, Захару-студенту не довелось слушать лекции великого ученого дальше; а у великого ученого, чего не мог знать студент-первокурсник Захар, то были тяжелые времена. Но когда академик Френкель писал свои воспоминания, драматическая история жизни и творчества великого физиолога ему, как исследователю, была предельно знакома. Вот некоторые ее штрихи.

СЕЧЕНОВ

Иван Михайлович Сеченов был женат на Марии Александровне Сеченовой-Боковой (в девичестве – Обручева), судьба которой сложилась крайне неординарно.

Мария Александровна была ученицей Сеченова, одной из первых женщин в России стала дипломированным врачом, преодолев для этого немало препятствий.

Сеченовы и первый муж Марии Александровны Петр Иванович Боков стали прототипами героев романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» – Кирсанова, Веры Павловны, Лопухова. Как и героиня романа, М. Обручева вступила в фиктивный брак (с П. Боковым) – такие браки были в ту пору нередки и заключались для того, чтобы девушка вышла из-под опеки родителей (отец Марии был потомственный дворянин и генерал) и смогла получить высшее образование. Мария, пока этому официально не препятствовали, вместе с подругой Надеждой Суловой была вольнослушательницей медико-хирургической академии.

Когда продолжать медицинское образование таким образом стало невозможным, Надежда Сулова уехала в Цюрих, где окончила медицинский факультет университета. Мы ей обязаны не только тем, что она, защитив диссертацию на степень доктора медицины, стала первой в России женщиной-врачом, но и тем, что вышедшая из семьи крепостных крестьян, по завершении учёбы в Швейцарии, она вернулась в Москву, – и не «с пустыми руками» – привезла в Россию своего мужа-швейцарца – 27-летнего Фридриха Эрисмана. Ставший Федором Федоровичем, и прожив в России ещё 27 лет, Эрисман создал основы отечественной научной гигиены; З.Г. Френкелю посчастливилось неоднократно встречаться с ним как в России, так и за границей.

Будущая супруга Сеченова Мария Обручева-Бокова четырьмя годами позже также успешно окончила университет в Цюрихе и защитила диссертацию на степень доктора медицины. Став известным офтальмологом, кроме медицины она занималась литературой и просветительской работой, приобрела известность как переводчица на русский язык сочинений Ч. Дарвина и А. Брема.

Интересно, что в 1890 году, к которому относится эта часть нашего повествования, Иван Михайлович и Мария Александровна были почти молодожёнами – прошло лишь два года как они обвенчались. Их гражданский брак, правда, длился уже с 1868 года – развод Марии Александровны с П. Боковым был утверждён Синодом лишь 20 лет спустя. Поэтому лишь 8 февраля 1888 года Сеченов и Обручева обвенчались в Благовещенской церкви. В год венчания Ивану Михайловичу было 59, а Марии Александровне – 49 лет.

В конце 80-х годов для Ивана Михайловича в Петербургском университете сложилась непростая обстановка. Фактическая травля посредством выдающегося ученого, намного опередившего время, бесконечные сомнения «коллег» в достоверности и универсальности выявленных им научных закономерностей, которые сегодня стали основой многих отраслей медицины, немалые уже годы (ему к шестидесяти) – всё это существенно осложняло его жизнь. К этому прибавилась неудачная попытка выдвижения в действительные члены Петербургской Академии наук (чл.-корреспондентом он был с 1869 года, с 1904 года – почетный член АН).

Вот как описывал эти события, поучительные, что примечательно, и для сегодняшнего дня, сам Сеченов: *«Дело представления пошло, и мне стало известно, что в отделении я избран. Вскоре затем случилось следующее обстоятельство. Дело было весной, в утро праздника Вознесения; иду я по Василеостровской набережной в лабораторию и недалеко от университета, вероятно, задумавшись, прохожу мимо идущего навстречу господина, не узнавая его в лицо; но, пройдя мимо, узнаю, что это был Дм. Андр. (Толстой). Узнай я его в минуту встречи, я, конечно, не преминул бы поклониться ему; но теперь возвращаться назад с извинениями было поздно, и я не вернулся. Через несколько дней мне сообщили, что президент академии положил на мое избрание veto, и я не был допущен до баллотировки в общем собрании»³.*

Граф Дмитрий Андреевич Толстой одновременно был Президентом АН и Министром внутренних дел (а, кроме того, и шефом жандармов) – фантазмагорическое сочетание, обеспечивающее однако «эффективную» управляемость научным сообществом. (Слава Богу, пока ещё не весь наш исторический опыт, включая подобные отечественные изобретения, востребован современниками.)

В этот же период министр народного просвещения граф И.Д. Делянов по формальным причинам отклонил ходатайство университета о представлении Сеченова к званию заслуженного профессора; в довершение всего Сеченову объявили, что он выслужил положенный срок и должен покинуть штат университета. Не всякий, знаете, даже молодой человек, смог бы вынести столько ударов.

В марте 1888 года (спустя месяц после венчания!) Сеченов пишет уже упомянутому нами профессору зоологии Московского университета Анатолию Петровичу Богданову письмо, тональность которого вызывает глубокое сочувствие униженному великому учёному:

«В сентябре нынешнего года я выслуживаю 25 лет и чувствую себя ещё в силах быть полезным, хотел бы поработать в московском университете в качестве приват-доцента, так как я никогда не переставал любить нашу общую alma mater.

Ввиду этого мне было бы важно знать: как отнесется к моему переводу большинство естественного

и медицинского факультета; дадут ли мне хоть небольшое помещение для работы и право пользоваться при лекциях научными пособиями; наконец, может ли выгореть это дело у Вашего начальства. Я буду удовлетворён искренностью ответа, каково бы ни было его содержание».

Только спустя 1,5 года Иван Михайлович перебирается в Московский университет, который тоже не распростёр для него своих объятий: 28 сентября 1889 г. он записывает: *«Вот уже месяц, что я в Москве, и сегодня я подведу итоги того, что сделано за это время. Самый щекотливый пункт отношений в физиологической лаборатории устроен удовлетворительно. Шеф и его помощник окончательно убедились, что у меня нет никаких замыслов против них, и относятся ко мне настолько просто, что я не стесняюсь входить в лабораторию, спрашивать разные мелочи и даже принимать мелкие услуги»* (!!! – выделено автором. – А.Щ.).

В октябре 1889 года Сеченов посетил попечителя Московского учебного округа графа Павла Александровича Капниста, который знал Ивана Михайловича уже немало лет. Он встретил весьма любезный внешне прием, выслушал уверения в том, что он своим переходом «сделал университету честь» и получил положительный ответ на свою просьбу о выделении помещений для лаборатории. Однако Иван Михайлович помнил инициативы Капниста двадцатилетней давности относительно запрета его книги «Рефлексы головного мозга». Тогда граф ещё трудился в качестве правителя дел Главного управления по делам печати. Опасения приват-доцента Сеченова оправдались: помещения для работы ему выделены не были.

Только год с лишним спустя, с избранием на освободившуюся кафедру физиологии медицинского факультета, Сеченов получил хорошие условия для работы, и следующее десятилетие его жизни было весьма плодотворным. В «Автобиографических записках»⁴ он пишет об этом так: *«Я узнал, что обещанный мне за год перед тем рабочий угол при университете не существует и что мне опять придется жить целый год на улице, так как в Москве предстояло прожить целый год во всяком случае, чтобы выплатить лекциями долги за инструменты. Имея от Людвиг и Оствальда приглашение работать в их лабораториях, я уже решил ехать по уплате долга в Лейпциг, как вдруг умирает Шереметевский (здесь профессор физиологии), и я получаю приглашение от факультета и попечителя занять его место. Принять – означало получить рабочий угол и не жить круглый год врозь с женой; поэтому я колебался всего сутки и продал свободу за оба удобства. Сознание, что на этом месте я могу принести медицинскому факультету больше пользы, чем приват-доцентством без рабочего угла, заставило меня принять предложение и в последовавшие за тем десять лет профессорства (1891-1901) не было повода раскаиваться в этом решении: товарищи по медицинскому факультету приняли меня радушно»*.

В «Страницах воспоминаний» младший (на 16 лет), весьма близкий друг И.М. Сеченова И.И. Мечников писал: *«В возрасте 76 лет, заболев воспалением легких, столь губительным для стариков, Сеченов скончался. Чтобы дать читателю представление о его заслугах, не входя в разбор его научных трудов, скажу, что наши современный знаменитый физиолог И.П. Павлов охарактеризовал Сеченова как отца физиологии в России. Кроме многих первоклассных работ, он создал немало учеников, к числу которых, кроме упомянутых выше, нужно причислить еще профессоров Вериги и Кравкова, учеников последнего периода его деятельности. Но влияние Сеченова распространялось и далеко за пределы его специальности, и память о нем сохранится на все времена»*⁵.

* * *

Вернемся, однако, к студенту Московского университета Захару Френкелю, который, слушая лекции И.М. Сеченова, только начинал свой, тоже отнюдь не усыянный розами, профессиональный путь.

Материальное положение Захара в первые месяцы учёбы было совершенно плачевным. Питаться хотя бы один раз в день он не мог даже в подходящей для студентов дешёвенькой столовой «Ляпинка», где обед стоил всего-то 10-15 копеек. Зато там можно было взять чай и пообедать хлебом, который бесплатно был выставлен на столах.

(Во времена хрущевской оттепели в самом начале 1960-х, когда автор был студентом, столовая ЛСГМИ пошла дальше – кроме бесплатного хлеба выставлялась в неиссякаемых объёмах квашенная капуста. Это крепко выручало многих моих сокурсников, например, ближайшего в те годы друга Толика Дубинского: поступив в институт после армии, он жил в общежитии, в длинной кривой комнате над библиотекой, называемой «трамвай на повороте», родных ни в Ленинграде, ни за его пределами не было, двадцатидвухрублёвой стипендии – и той не было – для её получения нужно было учиться без троек, а ночная разгрузка вагонов на Пискарьевке давала гроши. И когда у меня, ленинградца, не было мамино «обеденного» рубля, на который мы ели вдвоём, хлеб с квашенной капустой и чаем просто спасал моего друга и других ребят, кому, в отличие от меня, негде было и поужинать).

Обед, состоящий из хлеба и чая, как-то поддерживал Захара днём, но и вечером к этому рациону лишь изредка добавлялся сыр на несколько копеек в день. Двадцатилетнему, напряженно занимающемуся парню этого было совершенно, катастрофически мало, постоянное недоедание расшатывало уравновешенный характер Захара – в какой-то момент он вдруг ощутил непреодолимое отвращение к работе в анатомичке, ему снились трупы, превозмогая себя, сдавал зачёты по анатомии... и всё время думал о переводе на другой факультет.

... Предметы первого курса медицинского факультета всегда очень нелегки для начинающего студента, ещё вчера – так или иначе опекаемого школяра. (В одном из блогов в Сети автор наткнулся на записки первокурсника, озаглавленные «Учеба на первом курсе мединститута: и живые позавидуют мёртвым»). Но если физика, химия, биология, физиология, несмотря на более специальное содержание, для вчерашнего школьника

привычны, то анатомия, и без недоедания – настоящее испытание. Кого, как не Вересаева тут уместно вспомнить:

«Что касается анатомии, то часто приходится слышать, какую тяжелою и неприятною стороною ее изучения является необходимость препарировать трупы. Действительно, некоторые из товарищей довольно долго не могли привыкнуть к виду анатомического театра, наполненного ободранными трупами с мутными глазами, оскаленными зубами и скрюченными пальцами; одному товарищу пришлось даже перейти из-за этого на другой факультет; он стал страдать галлюцинациями, и ему казалось по ночам, что из всех углов комнаты к нему ползут окровавленные руки, ноги и головы»⁶.

Не исключено, что этими впечатлениями делился с Версаевым Захар Френкель, когда они в Дерпте одно время жили под одной крышей...

Из недолгого пребывания в Московском университете Захару запомнилось празднование Татьянина дня в январе 1890-го, сразу после рождественских каникул. Он уже был осведомлен, что обычно этот студенческий праздник сводится к всеобщему пьянству, причем вместе со студентами напивались и профессора. Старшекурсники рассказывали – дело в этот праздник обычно кончалось тем, что после (и в процессе) банкета в традиционно арендуемом ресторане «Эрмитаж», как пишет Френкель в «Записках и воспоминаниях...», «студенты и профессора на главной лестнице, в общем зале, в коридорах, везде лежали вповалку совершенно пьяными, либо их уносили и отправляли домой в извозничьих санях». Эти свидетельства, напоминавшие бредовые фантазии, казались Захару сильным преувеличением, тем не менее он, вместе с несколькими единомышленниками, «возмущавшимися оскудением общественно-этического кругозора студенчества», решил устроить «альтернативный» праздник с докладами по истории университета, его роли в развитии науки и культуры, с вокальными и музыкальными номерами и чаем. С трудом собрали деньги для найма помещения, оповестили студентов о «другом» празднике, не роняющем достоинства молодых людей и великих заслуг университета, который предполагалось начать одновременно с ресторанной вакханалией.

Как нетрудно догадаться, мероприятие ознаменовалось полным провалом. В то время, когда преподаватели и сотни студентов, после коротких, приличествующих празднику, речей, веселились в ресторане, на безалкогольный вечер пришли лишь два-три десятка продвинутых студентов. Немало мужества потребовалось Захару и его команде, чтобы реализовать намеченную программу. По ее окончании они все-таки заглянули в «Эрмитаж»: «там продолжалось хаотическое пьяное пение, широкая лестница была усеяна завершившими свое веселье привычным для Татьянина дня состоянием»... В те дни, надо полагать, Захар и стал убежденным трезвенником.

В январе 1890-го, в связи с государственным ужесточением университетских порядков, запрещением студенческих организаций, жестким регламентированием и бюрократизацией, усилились студенческие волнения, в том числе и в Московском университете. Это была реакция на внедряемый повсеместно, утвержденный свыше, достаточно реакционный Университетский Устав 1887 года, с требованиями его отмены.

За участие в студенческой сходке Захар, вместе с несколькими сотнями других студентов, был арестован и препровожден в Бутырскую тюрьму, а затем и исключен из университета. Своего кумира И.М. Сеченова он больше никогда не видел.

**Статья представлена в авторской редакции*

Примечания

¹ Френкель, З. Г. Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / З. Г. Френкель. Публ., сост., коммент. и вступ. ст. Р. Б. Самофал. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 696 с.

² Щербо, А. П. Захарий Григорьевич Френкель: очерк незаурядной жизни / А. П. Щербо. – СПб. : Издательство СПбМАПО, 2008. – 48 с.; Щербо, А. П. Захарий Григорьевич Френкель. Жизнь длиною в век / А. П. Щербо. – СПб. : Издательство СПбМАПО, 2009. – 584 с.; Матрюков, А. А. Выдающиеся гигиенисты России / А. А. Матрюков, В. С. Новиков, И. В. Петреев и др. – СПб. : НПО «Про-фессионал», 2012. – 360 с.

³ И.М. Сеченов. Биография. Главные труды / Авторы предисловия и комментариев И. В. Князькин и А. Т. Марьянович. – СПб. : Издательство ДЕАН, 2004. – 816 с.

⁴ Сеченов, И. М. Автобиографические записки / И. М. Сеченов. – М. : Издательство «Книгобек», 2012. – 240 с.

⁵ Мечников, И. И. Страницы воспоминаний / И. И. Мечников. – М. : Издательство АН СССР, 1946. – 280 с.

⁶ Вересаев, В. Записки врача. – Собрание сочинений в 5 томах. Том 1 / В. Вересаев. – М. : Издательство «Правда», 1961. – С. 244–423.

Материал поступил в редакцию 05.12.16.

I.M. SECHENOV AND THE ACADEMICIAN OF THE USSR ACADEMY OF MEDICAL SCIENCES, Z.G. FRENKEL: CROSSING POINT OF FATES

A.P. Shcherbo, Doctor of Medicine, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences
Medical Center of PMI Corporation (Saint Petersburg), Russia

***Abstract.** This article coincides with the recent 185th anniversary of birth and 110th anniversary of death of the great Russian physiologist Ivan Mikhaylovich Sechenov, and it is the result of the long-term study of life, work and social activity of another Russian scientist, the academician of USSR Academy of Medical Sciences Zakhariy Grigoryevich Frenkel, who was a student of I.M. Sechenov. The article presents the new dramatic biographic facts of two scientists of different generations, relating to the period of 1889-1890 in Moscow University. The accounts of Ilya Ilyich Mechnikov, Sechenov's friend, and the writer Vikentiy Veresayev, Z.G. Frenkel's peer in Dörpt University are also given in the paper, based on the published memoirs by Z.G. Frenkel and other materials, which are courtesy of the author.*

Keywords: *Sechenov, Frenkel, Moscow University, dramatic biographic facts in 1889-1890.*